

Софья Лойтер

Письма Владимира Яковлевича Проппа (1968–1970 гг.) Ирине Петровне Лупановой¹

Ирина Петровна Лупанова (24.06.1921–4.02.2003) — фольклорист, литературовед, доктор филологических наук, профессор, 30 лет проработавшая в Петрозаводском государственном университете, более 10 лет заведующая кафедрой литературы. Она относится к тем ученым послевоенного поколения, кто закладывал основы, формировал филологическую культуру Петрозаводска, ставшего теперь заметным и уважаемым научным центром. Не счесть филологов, работавших и работающих в вузах, академических институтах, школе, журналистике, других сферах в разных городах и весях нашей страны, которые с гордостью называют себя ее учениками.

Наследница одной из фундаментальных отечественных филологических научных школ — школы Ленинградского университета, И.П. Лупанова была прежде всего ученицей М.К. Азадовского и В.Я. Проппа, под

Софья Михайловна

Лойтер

Карельский государственный педагогический университет,
Петрозаводск

¹ Данный материал продолжает публикацию писем В.Я. Проппа, вышедших в сборнике в честь 60-летия А.К. Байбурина (АБ-60. СПб., 2007).

чьим руководством выполняла первые научные работы и в чьих семинарах определились ее исследовательские интересы. В.Я. Пропп был руководителем защищенной ею в 1950 г. кандидатской диссертации по русской бытовой сказке. Он же (наряду с Г.П. Макогоненко и Г.А. Бялым) — оппонент докторской диссертации «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в.» (монография вышла в 1959 г.).

Уже в начале 1950-х гг. профессиональные отношения с В.Я. Проппом «перетекли» в трогательную дружбу с особой доверительностью, искренностью и преданностью. И так было до последних дней Владимира Яковлевича.

Из существовавшей переписки сохранилось 55 писем 1954–1970 гг., переданных, наряду с другими материалами, ученикам И.П. ее племянницей Ниной Георгиевной Самосюк. Публикация и подготовка к печати писем доверена автору этих строк. Нами же (учениками И.П.) подготовлена и вот-вот выйдет из печати книга воспоминаний И.П. Лупановой «Минувшее проходит предо мною...». В ней есть раздел «Старые письма: Из писем Проппа», где цитируется строчка из его письма, после чего следует какой-то факт или рассказ. Из этой части книги ясно, что были письма и более ранних лет. Однако и дошедшие до нас передают неповторимый образ великого Проппа в науке и, что не менее важно, повседневности, в которой он был обычным человеком, внимательным, благодарным, непритязательным в быту, невероятно доверчивым и ранимым, нередко ироничным.

Публикация — точное воспроизведение, вплоть до расположения даты.

Дорогая Ирина Петровна!

17.I. 68.

Я глубоко обрадован Вашим письмом и теми теплыми и добрыми словами, которые Вы в нем сказали. Заслужил ли я их или нет, это вопрос другой, но я услышал их от Вас, и это мне дорого и радостно.

Ниле я готов помочь всем, чем могу. Она мне много говорила о своей работе, у нее и знания, и талант, и хватка. Из нее будет толк. Пусть она везет (или пришлет) работу раньше, чем представлять ее официально. Я сейчас свободен (и долго буду свободен), время у меня есть.

Свой спецкурс¹ я кончу в феврале. Меня приглашали в Горький повторить его там. Обещали оформить дело в декабре, но что-

¹ Речь идет об упомянутом в предыдущих письмах спецкурсе «Эстетика комического».

то молчат. Наверное, с ассигновкой не получается. Не надо, я и в Ленинграде могу провести время с пользой и интересом.

У нас мерзкие холода. Недавно было -32 , я испытываю это впервые в жизни. Но жить еще можно, хотя на топливе надумали экономить. На улицу в такие морозы не выхожу. В комнате стоит ведро с кипятком, которое меняю через каждые 3–4 часа. Очень помогает, а газ есть.

Ваш В Пропп.

Здравствуйте, дорогая Ирина Петровна!

18.II.68.

Во-первых, хочу Вас поздравить. Я очень за Вас порадовался. Долго же они там в Москве раскачивались! Я в этих случаях всегда различаю две стороны: сущность и бумажное оформление. И хотя для всех понимающих людей сущность ясна давно, все же официальное признание важно и потому радует. При первом же случае, когда буду пить вино, выпью бокал за Вас, профессора Лупанову!¹

Теперь о Ниле. Куда послать работу? Не в институт этнографии Путилову. И хотя Путилов сам был бы идеальным рецензентом, но... и т.д. Вам ясно о Пушкинском доме. А кому там работа попадет? Хорошо, если к Соймонову. Но скорее всего она попадет к Емельянову. Человек он совершенно беспринципный, материалов не знает, может нагородить что угодно, и все это будет утверждено. Может попасть к Азбелеву. Азбелев имеет зуб против меня. В свое время он просил меня дать ему научную характеристику для выдвижения в старшие. Но я болел (действительно) и характеристики дать не мог. Мой отказ он принял болезненно. Писал кто-то другой, и в старшие он не попал. Но так как он человек мстительный², он сделает все, чтобы потопить Нилу, если только узнает, что в прошлом она моя ученица и выдвиженка — а он это узнает непременно. Остается Акимова. Акимову я вытаскивал в кандидаты, а потом в доктора. И хотя проект ее докторской был сперва отвергнут, и она плакала безмолвными и кроткими слезами, но моя критика пошла ей на пользу: она все исправила и получила доктора, и ко мне питает добрые чувства. Человек она справедливый и доброжелательный, но имеет один недостаток: она слишком добросовестна. Вычитывать она будет строчка в строчку, и это будет бесконечно долго. Пошлите ей одновременно письмо и попросите ее несколько поторопиться (если Вы только сами найдете это удобным). Таково мое мне-

¹ И.П. была утверждена ВАКом в профессорском звании.

² Справедливости ради следует сказать, что С.Н. Азбелев стал научным редактором нескольких книг Н.А. Криничной.

ние. Еще: работу пусть сразу переплетает, без предварительной присылки мне — это для ускорения. Однако, если бы Вы все же хотели для верности показать работу сперва мне, с превеликим удовольствием ее прочту. Еще я думаю так: если с Акимовой ничего не выйдет, то лучше обратиться к Путилову, чем к Азбелеву или Емельянову. Он человек справедливый.

Всегда Ваш В. Пропп.

Как мало на свете обыкновенных, простых, умных и доброжелательных людей!

Здравствуйте, дорогая Ирина Петровна!

28.II.68.

Я очень обрадовался Вашему письму. Вашей маме передайте от меня привет, если она меня помнит. Я храню о ней какое-то особое светлое воспоминание.

Нилину диссертацию буду ждать и прочту со вниманием. Если это будет нужно, я по-дружески дам несколько советов, но думаю, что теперь уже ничего не нужно. На всякий случай пагинацию пусть делает в карандаше. Думаю, что до родов вряд ли удастся защитить. Да и независимо от этого — ей в ее состоянии нельзя волноваться. Сейчас ее надо всячески беречь и она сама должна беречь себя.

Ваше письмо многое мне прояснило о Вас. Что Вы доктор, это я, конечно, знал, но профессор ли Вы — я не знал, да и не считал это существенным. Теперь все знаю. Московиты остаются верны себе.

Не знал я также, как обстояло дело с Вашей книгой. Вы молчали, и это меня тревожило, а спрашивать я не хотел. У нас всякое бывает. Бывает, что набор рассыпают. Но, слава Богу, набор цел, и даже была корректура. Когда-нибудь да выйдет. Буду ждать ее с нетерпением.

Я несколько досрочно кончил читать свой спецкурс. Теперь я совершенно свободен, даже за зарплатой не езжу, получаю ее на сберкассе, которая помещается на нашей же лестнице. Это ли не жизнь?

Всего, всего Вам лучшего.

Всегда Ваш. В.Пропп.

7.V.68.

Милая и дорогая Ирина Петровна!

Каждый год Вы меня балуете, каждый год я получаю от Вас подарки, которые меня глубоко радуют и трогают. Челове-

ские отношения важнее научных успехов, и я смею думать, что Ваши добрые ко мне чувства вызваны мной, несмотря на все мои недостатки, а не моими трудами, каковы бы они ни были. Я этим очень дорожу. Все мне желают дальнейших творческих успехов. Ну, а если этих успехов уже не будет? Вывод довольно ясен. А вот Вы ... одним словом ... Вы — это совсем другое.

Большое, большое Вам спасибо за все! Желаю Вам... да, теперь, после прочитанных Вами строк, творческих успехов желать как-то неудобно. Но, хотя это и не главное, я все равно их Вам желаю, а главное — чтобы Вы были здоровы, довольны и веселы, чтобы Вам жилось хорошо и чтобы хотя бы некоторые из Ваших больших и малых желаний исполнились.

О Ваших домашних я храню теплые воспоминания, спасибо им, передайте им мои приветы.

Ваш В. Пропп.

Майские дни мы проводили за городом, поэтому мой ответ опаздывает. Думаю, что это ничего.

24.V.68.

Здравствуйте, дорогая Ирина Петровна!

Вы пишете о Ниле. Я тоже с этого начну. Если ее увидите, поздравьте ее, пожалуйста, от меня. Очень она хорошая, но у нее трудная душевная организация — трудная для нее самой. Ей жить нелегко, даже тогда, когда она счастлива в муже и ребенке. За работу ее (диссертацию) можно не беспокоиться. То, что я читал, и то, что она мне рассказывала, мне импонирует. Она большая умница и энергичная работяга. В ней я не ошибся. А вот с Пантелеевой ошибся. Я год не знал о ней ничего, и вдруг она пишет. Она хочет уходить из Петрозаводска — отпустите ее поскорее. Она сочиняет стихи, работает на радио и пр. и пр. Она, несомненно, очень даровита, но, оказывается, даровитость не самое важное в жизни.

Приеду ли я еще когда-нибудь в Петрозаводск — это еще неизвестно. Записываюсь в оппоненты к Ниле.

Всего Вам лучшего. Ваш В. Пропп.

17.VII.68.

Здравствуйте, дорогая Ирина Петровна!

Я Вам пишу не для того, чтобы сообщить какие-нибудь новости (новостей у меня, слава Богу, никаких), но хочется хоть

минутку, хоть в письме побыть с Вами. Здесь многое напоминает о Вас: и витязь на распутье перед черепом, и нанесенный на пластинку карельской березы вид Кижского храма на фоне восходящего солнца, и драгоценная книжечка «Калевалы», и деревянная модель многоголового храма... Все, кто приходят ко мне (кроме студентов, пришедших сдавать зачеты), любят о эти вещи, спрашивают о них, и я вспоминаю и говорю о Вас.

Не знаете ли Вы, что с Нилой? Она прежде хоть изредка писала мне, а теперь хранит молчание уже много месяцев. Я в некоторой тревоге за нее.

Я сейчас ничего не делаю и, представьте себе, чувствую себя при этом великолепно. Я просто наслаждаюсь жизнью, не смотря на хронические дожди. Иногда предаюсь воспоминаниям, как и в данную минуту.

Желаю вам всего лучшего, что только можно придумать.

Ваш В. Пропп.

Здравствуйтесь, дорогая Ирина Петровна!

3 авг.68.

Обожаю получать Ваши письма. Вы, оказывается, обладаете ясновидением. Я ничего не писал о Вашей книге, опасаясь, что ее зарезали. Но между строк Вы прочли, что меня это сердечно волнует, и всё рассказали, что с ней происходит. Теперь я знаю. Ее, как видите, обкарнали — и только. Буду ждать.

Спасибо также за сведения о Ниле. Она перестала мне писать. Я ее очень жалею. Писем от нее давно-давно нет никаких, и сейчас нет. Ей трудно, пусть не пишет. На защиту я приеду с удовольствием.

Я на даче. Но по субботам и воскресеньям спасаюсь в город от соседей с патефонами, гостями и их шумовыми эффектами. Тут-то я и пишу письма. Это — письмо — привет и знак доброй о Вас памяти.

Ваш В. Пропп.

16.9.68.

Дорогая Ирина Петровна!

Первый раз в жизни Вы меня своим письмом огорчили, т.е. не письмом, а тем, что в нем написано. С Нилой я уже давно потерял всякую связь. Дайте мне ее почтовый адрес, а я ей устрою головомойку, т.е. потороплю ее. Работа у нее великолепная,

первоклассная, но она из тех сверхдобросовестных, которые считают, что работа еще не готова и т.д. А тут еще муж и пр. и пр. Павел Наумович Берков, когда его аспирантки выходят замуж, перестает ими дорожить и интересоваться и машет на них рукой. А что до меня, то я никогда больше никого в аспирантуру рекомендовать не буду. Подумайте: Майя Чередникова сбежала, Пантелеева сбежала, а эта произвела bébé и решила, что теперь всё уже в порядке. А ведь все подавали надежды!

О себе писать нечего, хотел на покой, Макогоненко не пускает. Он хотел, чтобы я числился, ничего не делая. Но я так не могу, объявил спецкурс по обрядовой поэзии и теперь судорожно и торопливо вырабатываю его.

Если дадите мне почтовый адрес Нилы, то сообщите, под какой она живет фамилией. Ах, беда! Ну, да это еще ничего. Бывает хуже.

Ваш В.Пропп.

Ленинград, 10.XI. 68.

Дорогая Ирина Петровна!

Опять! Как мне Вас благодарить? Только тем, чтобы сказать Вам, что Ваши знаки внимания доходят до самой глубины моего существа. Знаете — мне иногда уже не хочется жить (устал), но когда получаешь вот такие проявления живых чувств — жить опять хочется. Вот для меня и праздник. И я думаю о Вас, о Вашей жизни и о том, какие Вы и что Вы делаете — и опять становится на душе хорошо. Спасибо Вам!

Ваш В. Пропп.

2.II.69.

Здравствуйте, дорогая Ирина Петровна!

Очень был рад Вашему письму. Представляю себе, как Вы там переживаете хозяйство, но у Вас это (я знаю) выходит хорошо, и в этом часть призвания женщины. Мясо исчезло не только в Петрозаводске, но всюду — без мяса прожить можно. Это даже клучшему. Вы помогаете больным — это тоже заполняет жизнь. И вообще Ваша жизнь заполнена до предела, и это хорошо.

За Нилу я очень рад, думаю, что она Вас не подведет. Вы знаете — когда аспирантки Беркова выходят замуж, он перестает ими интересоваться, т.к. считает, что замужество и диссертация — две вещи несовместные. Или одно или другое. А тут ещё bébé. Ну, посмотрим.

Что Балашов немножко тронут — я знаю давно. С ним иметь дело трудно. При этом он необыкновенно талантлив. Он к юбилею подарил мне вырезанного им из дерева дракона. Вещь настолько совершенна, что ее можно взять в любой музей.

Что я хожу в основоположниках структурализма, я знаю давно. Обо мне пишут во всех странах мира, но в СССР пока что оставляют меня в покое. К структурализму я равнодушен.

Мой сын Миша приехал с Кавказа тяжело больной. Уже второй месяц лежит в больнице, лежит пластом. Определить болезнь не могут и как лечить, не знают. Пробуют. Как будет: понемногу делается лучше, но очень медленно. Лежит уже 1,5 месяца, а температура все еще повышается. Мы в большой тревоге.

Завтра переезжаем на дачу.

Сердечно Ваш В.Пропп.

28.П.69.

Дорогая Ирина Петровна!

Я очень люблю получать Ваши письма. Вы спрашиваете, болели ли мы? Все. И очень долго и мучительно. Сейчас почти совсем здоровы. Выходили.

Теперь о Ниле. Помнится, я Вам писал, что я хотел бы посмотреть рукопись раньше, чем ее представить официально. Но я передумал. Я работу примерно знаю, знаю стиль и содержание. Работа на редкость качественная. Сейчас надо сделать все, чтобы ускорить официальное представление. Пересылка работы мне до официального одобрения — лишняя задержка. Надо по возможности защитить ее до лета.

На юбилей Акимовой я не ездил — не стбило.

Я очень рад, что Ваша книга теперь уже скоро выйдет. Моя «Морфология» (новое издание) — тоже. Может быть, выйдут вместе.

На Валааме я был уже два раза. Сейчас я собираюсь побывать в Новгороде.

Ваше фото и все, что на нем изображено, мне очень понравилось. У Вас вид — как бы это сказать? — такой, что доверить машину Вам можно (Помните, у меня когда-то были сомнения).

Всего Вам самого лучшего.

Ваш всегда В. Пропп.

19.III.69.

Дорогая Ирина Петровна!

Спасибо Вам, что меня не забываете, но упрека Вашего, что я пишу слишком коротко, я не принимаю. Краткость любой рукописи есть достоинство, а не недостаток.

Очень жаль, что Нила не сможет защититься до весны, — но что ж поделаешь, жизнь у нее трудная — это я могу себе представить. Всем, чем можно, я готов ей помочь, т.к. я ценю ее таланты и ее добросовестность.

На юбилей Акимовой не стоило ездить потому, что я здесь насмотрелся на всякие юбилеи (в том числе на университетский). Приказ ректора, скучные официальные хвалебные речи и т.д. Другое дело — банкет. Но банкеты сейчас, кажется, не в моде, но и на банкеты я тоже уже давно не хожу. Не могу много пить, а без этого какой же банкет? С Акимовой же у меня отношения самые дружественные. Я послал ей поздравительную телеграмму не совсем официального и не казенного характера (не было «желаю творческих успехов»), и она мне ответила коротким и очень теплым письмом.

Ваши домашние дела я очень одобряю, но и жалею Вас. Если перебирать всю Вашу библиотеку, то сколько надо потратить сил? Маляр — это дефицитная и почетная профессия, а маляр-профессор — это уж совсем редко. Мысленно Вам помогаю, и если б мог, помогал бы и реально — ибо я это дело люблю. Бегать за продуктами — это хуже, это я не люблю, но что же делать? Приходится, и тут я Вас жалею.

Всегда Ваш В. Пропп.

15.VIII.69.

Дорогая Ирина Петровна!

Вчера, приехав с дачи в город, получил здесь книгу некоей И.П. Лупановой под интригующим названием «Полвека». Дорогая Ирочка! Я от души Вас поздравляю с выходом Вашего капитального труда, в который Вы вложили столько труда, старания, вкуса, знания, умения и таланта! Наконец-то! Можно было думать худшее. И я уже начал — было подумывать — не рассыпали ли набор? У нас всякое бывает. Но нет, книга есть. Я очень хорошо себе представляю, сколько было трудностей, сколько Вам пришлось не только делать, но и переделывать и вновь переделывать. Я, конечно, книгу еще не читал, но почи- тывал, и поразился богатству ее содержания. Я никак не представлял себе, что у нас выходило так много и притом так много

хорошего. Думаю, что азиатов Вам навязали в издательстве. Их языки нам неизвестны. Пусть бы они писали о себе сами. Русского богатейшего и интереснейшего материала было бы достаточно. Правда? Я мог бы еще похвалить Вас за прекрасный язык, интересность (простите такую языковую неуклюжесть!), да, и увлекательность изложения. У меня было трое детей, и кое-что я знал через них, знал, как это воспринималось. А в продаже ничего нет! А то, что есть, не привлекает. Вы бы кое-кого стукнули (из авторов и издателей) — Вам можно. Буду теперь потихоньку Вас читать. Над чем работаете теперь?

О себе ничего радостного сообщить не могу. Болен Миша, лежит в больнице уже третий месяц, а будет лежать еще месяц. Вчера привезли с дачи Андрюшу с больным кишечником. Осенью в жару это опасно.

Что умер П.Н. Берков, Вы, наверное, уже знаете. Я очень, очень его любил. Вчера была панихида. Уж лучше бы молчали. Хорошо сказал только Жирмунский.

Вышло второе издание моей книги. Это моя большая радость. В продаже (в Ленинграде) ее еще нет. Посылаю Вам один из авторских экземпляров.

Хоть бы кто-нибудь написал о Вас толково и со знанием дела!

Всегда Ваш В. Пропп.

Ленинград. 1.IX.69.

Дорогая Ирина Петровна!

Спасибо за хорошее письмо. Ваше «души доверчивой признание» меня очень тронуло. Да, я со свойственной вообще всем мужчинам недогадливостью почти ни о чем не догадывался.

Моя жизнь течет тихо. Я по мере сил работаю, но из-за Мишиной болезни на душе смутно и беспокойно.

Я очень хорошо представляю себе Вашу жизнь с ремонтной канителью и с больной старушкой. Очень сочувствую.

Москва предложила мне издать мою книгу о комическом. Посмотрим. Сейчас я работаю над некоторыми фольклорными элементами в иконописи. Пока — по книжным репродукциям и по экспонатам Русского Музея. На днях еду в Москву, чтобы там разглядеть все как следует в натуре. Не получили ли Вы каких-нибудь откликов на Вашу книгу?

Всего Вам лучшего. Земной поклон.

Ваш В. Пропп.

Ленинград. 31 окт. 69.

Дорогая Ирина Петровна!

Была у меня Нила, оставила мне свою диссертацию. Когда она со мной беседовала, я был уже очень болен, но все же мог сидеть и говорить. А на следующий день я совсем свалился: воспаление легких в довольно тяжелой форме. Сейчас я начал поправляться, но очень слаб, еле брожу. Я начал читать диссертацию Нилы, но выходит это плохо. Работать не могу, ничего не понимаю, работа валится из рук. Для окончательной поправки мне надо бы в санаторию, но я никакой санатории не хочу. Я молю о пощаде: писание настоящего отзыва о работе Нилы для меня сейчас непосильный труд. Нельзя ли меня от этого освободить? Хорошим оппонентом был бы Б.Н. Путилов. Если это никак нельзя, я себя как-нибудь пересилю, но отзыв будет не развернутый и формальный (вполне положительный).

Нила обещала мне написать, кого прочат вторым оппонентом, когда защита и пр., но хранит молчание. Думаю, что она уехала в экспедицию. Напишите мне, пожалуйста, поскорее. Сейчас я работу отложил до Вашего письма. Если отзыв все же придется писать мне, то прошу иметь в виду, что быстро сделать это я никак не могу. Сообщите о предполагаемом сроке защиты. Очень облегчило бы мне работу наличие автореферата.

Жду Вашего скорейшего ответа.

Ваш болезненный друг и почитатель В.Пропп.

Ленинград. 8.XI.69.

Дорогая Ирина Петровна!

С трепетом ждал Вашего ответа: получу я освобождение или нет. Освобождения нет. Хорошо, я возьмусь. Только отзыв будет не в моем обычном стиле. Обычно я даю развернутый отзыв по существу. На этот раз я дам отыв не очень развернутый и несколько формальный, как вообще пишут такие отзывы.

Диссертацию я прочел до конца и сделал себе много заметок, которые я и скомпаную в отзыв. За писание отзыва я примусь после того, как получу автореферат. На автореферат я тоже дам отзыв, очень краткий и формальный — ведь этот отзыв имеет сугубо формальное значение. С этой стороны теперь все ясно. Неясно только, смогу ли я приехать. Боюсь, что врачи меня не пустят — но посмотрим. Ехать мне очень хочется. Я после болезни оправился настолько, что хорошо ли, худо ли, но часа 2–3 потихоньку работать могу — но не дольше. После этого я могу только гулять и ложиться.

Слушайте, — не пускайте Вы Вашу маму одну в лес! Представляю себе, что Вы пережили! Но она молодец¹. В ее возрасте происходит потеря направления. Там, где молодой человек ориентируется сразу без особого труда, пожилой человек не знает, куда повернуться.

Слава Богу, что кончилось так! Здоровье у нее, видно, крепкое, если она даже не простудилась. Передайте ей от меня, пожалуйста, привет.

Праздник уже прошел, но я Вас поздравляю хотя бы с прошедшим праздником.

Ваш В. Пропп.

16.XI. 69

Дорогая Ирина Петровна!

Не понимаю, чем вызвано упорное молчание Петрозаводска. Нила мне прислала очень симпатичное поздравление с праздником, но на письмо мое упорно не отвечает. Вы просите прислать отзыв на автореферат, в котором должна быть фраза «автореферат отвечает содержанию диссертации», — но автореферата мне не посылают. Слезно прошу прислать мне автореферат (хоть 3-ю копию). Как я Вам писал, автореферат мне нужен и для отзыва — он очень облегчит и упростит написание отзыва. Все заготовки для отзыва у меня уже есть. Написать отзыв на автореферат, не выдав его, я опасаясь, т.к. в нем могут быть неожиданности, которые погубят все дело. Я должен его видеть раньше, чем подписать.

Другое — краткий предварительный отзыв на диссертацию. О таком отзыве Вы не просите, но на всякий случай я его прилагаю к сегодняшнему письму. Такой отзыв нужен.

Может быть, мои к Вам письма не доходят? Почтальоны второпях опускают письма не туда, куда надо. У нас взломали почтовый ящик, корреспонденцию для чего-то выбросили. Может быть, там было письмо от Вас или от Нилы.? Это письмо я пишу заказным, и автореферат (если только Вы не нашли другого оппонента), я также прошу прислать заказным письмом.

Мне не лучше и не хуже, как-нибудь справлюсь. Если будете писать, сообщите о предполагаемом сроке защиты.

Всегда и неизменно сердечно Ваш В. Пропп.

¹ Мама И.П. А.Г. Бонч-Осмоловская 10 октября, когда по ночам уже были заморозки, в 79 лет так заблудилась в лесу, пройдя более тридцати километров, что ее искали более суток, а когда нашли, «на ней сухой нитки не было» (этот случай описан И.П. Лупановой в «Воспоминаниях»).

19. XI.69.

Дорогая Ирина Петровна!

Получил письмо от Нилы. Я уж думал, что ее нет в Петрозаводске, поэтому писал Вам. Пусть она пришлет автореферат, сами не возитесь. Оказывается, спешки никакой нет, второй оппонент еще только намечается. А я думал, что я опаздываю, что из-за меня задерживается защита. Мне неясно, кто должен писать отзыв об автореферате — руководитель или оппонент. Этот отзыв нужен для типографии. Мне кажется, что отзыв пишет руководитель. Впрочем, порядки меняются. Это должны знать в делопроизводстве ректората.

Как только получу автореферат (рукопись), я напишу отзыв. Автореферат мне облегчит это написание.

Мое здоровье все такое же, не лучше, но и не хуже.

Всего Вам лучшего!

Ваш В. Пропп.

4.XII.69.

Дорогая Ирина Петровна!

На днях получил Ваше письмо от 28.XI, а вчера пришел автореферат. Как только я его проработаю, я его верну. Еще до этого я пришлю краткий отзыв на него для представления его к печати. Сейчас, с авторефератом в руках (что очень облегчает работу), сажусь писать отзыв на диссертацию. Диссертацию я прочел уже давно и многое себе заметил, но некоторые места придется перечитать.

Очень хорошо, что согласился оппонировать Путилов. Он человек хотя и строгий и принципиальный, но знающий, доброжелательный и справедливый.

Что Акимова все еще не прислала внешнего отзыва, меня несколько удивляет.

В Вашем письме есть интригующая фраза: «Пытаюсь немножко писать». Что это значит?

Спасибо за добрые чувства и хорошие слова.

Ваш В. Пропп.

Дорогая Ирина Петровна!

16.дек. 69.

Позавчера днем я отправил Ниле обратно диссертацию (для переплета) и отзыв. Отзыв очень благоприятный, но, конечно,

есть возражения. Без возражений нельзя — такой отзыв считается приятельским. Боюсь, что она со своей нервностью расстроится. Если так, ее надо по-хорошему высмеять и успокоить. В тот же день вечером я получил официальное приглашение на бланке от Вашего университета. Думаю, что официального согласия не надо, ибо о моем согласии совету уже известно.

Еще до этого я получил от Нилы чудесный подарок — вышитое северное полотенце, на котором изображено змеборство — прямо к моей работе. Для меня это большая радость и драгоценный материал; подтверждает некоторые мои предположения. Об этом полотенце я упомяну в своей работе.

Я уже начал получать новогодние поздравления. Пользуюсь случаем, чтобы Вас поздравить с наступающим праздником и пожелать Вам в новом году здоровья, успехов, счастья, бодрости — одним словом — высокого тонуса жизни. И чтобы было много всяческой работы. А покой? Ну, и покоя тоже. Отдыха.

Ваш всегда В. Пропп.

Дорогая Ирина Петровна!

19 дек.1969.

Опять Вы меня балуете! Не знаю, как и благодарить Вас за постоянную Вашу добрую память обо мне и за чудесные подарки! Ваш сувенир я повесил на книжную полку, откуда он глядит на меня (и я на него) и напоминает мне о Вас. Вы меня искренне и глубоко обрадовали и привели в хорошее настроение.

После перевода на пенсию я хорошо втянулся в безделие. Работаю столько, сколько могу и сколько хочется. Мне бы очень надо было приехать в Петрозаводск, надеюсь, что это осуществится.

С этой надеждой

Ваш всегда В. Пропп.

Дорогая Ирина Петровна!

1.1.70.

Я очень люблю получать Ваши подарки, потому что они напоминают мне о Вас, но всегда чувствую себя немножко неловко — я их ничем не заслужил! Спасибо Вам большое и сердечное! Желаю Вам в наступившем новом году здоровья и счастливой жизни. Елизавета Яковлевна Вам кланяется. Самовар вместе с подносом, чайником и чашками восхитил ее, также как и меня, и всех, кто его видел.

Ваш всегда В. Пропп.

7.1.70.

Дорогая Ирина Петровна!

Сегодня я должен Вас огорчить. В моем состоянии наступило резкое ухудшение. Если это не пройдет, я не смогу приехать в Петрозаводск. Во всяком случае к этому надо быть готовым. В университете в таких случаях поступают так: отзыв отсутствующего оппонента зачитывают, и диссертант на него отвечает. Но кроме того нужен еще третий отзыв из числа членов совета, кандидата наук. Отзыв этот может быть совершенно формальным и кратким, но должен содержать сакраментальную формулу, что диссертант заслуживает искомой степени. Это может быть и не фольклорист.

Вот, Ирина Петровна! Возможно, что я еще поправлюсь и сумею приехать, к чему я очень стремлюсь. Путилов обещает взять меня на буксир. Кстати: он звонил мне, что он дал в высшей степени положительный отзыв. Я, если Вы читали мой отзыв, неодобрительно отнесся к выводам Нилы о фальшивках, но Путилов всецело ее поддерживает.

Вспоминаю, что я не ответил Вам на Ваш вопрос, получил ли я Ваш первый подарок — да, получил, всем его показываю и хвастаю. Подарок всех очаровывает. Я Вам писал, теперь думаю, что письмо не дошло. Поэтому это письмо посылаю заказным.

О своем состоянии пишу Вам заблаговременно, чтобы Вы своевременно могли принять меры. Кстати: мне нужно при-слать автореферат. Ниле я тоже пишу.

Надеюсь, что Вы меня поймете, а не осудите.

Всегда Ваш В.Пропп.

Ленинград. 5.III.1970.

Дорогая Ирина Петровна!

Сегодня послал Вам телеграмму, извещающую Вас о болезни и о том, что на защиту я приехать не смогу.

Здесь ходит грипп с осложнениями, я свалился, и врачи категорически запретили мне выезд даже после того, как я выздоровею.

Напишите мне, как пройдет защита или предложите Ниле сделать это.

Говорят, что автореферат в Ленинграде уже получен, из чего я заключаю, что защита должна быть скоро. Ни Путилов, ни я автореферата еще не имеем.

Буду с нетерпением ждать вестей.
Не сердитесь на меня.

Ваш В.Пропп.

Надо ли мне писать официальный рапорт?

2 мая 1970.

Дорогая Ирина Петровна!

За Вашу постоянную обо мне добрую, ничем не заслуженную память и за Ваши подарки приношу Вам свое сердечное большое спасибо! Пишу Вашим карандашом на карельской ручке. Видите, как хорошо пишется? А изумительная подставочка пришлась как раз под хрустальный бокальчик, в котором я держу цветы (когда они есть).

Был Путилов, рассказывал о защите. Очень рад и за Вас, и за Нилу. Говорит, что она держалась очень уверенно. Рассказал также, что был устроен банкет. Если б знали, как мне жаль, что я не мог быть на защите! Иногда (довольно редко) врачей приходится слушать.

Низко Вам кланяюсь от моего белого лба до самой сырой земли.

Ваш В. Пропп.

11 мая 70.

Дорогая Ирина Петровна!

Уже давно я получил Ваше письмо, в котором Вы пишете, что пошлете мой отзыв, чтобы заверить подпись. Пока не получил ничего, надеюсь, что обошлось, поверили, что Нила не жулик и не представила фальшивого отзыва. Спасибо Вам за поздравление. Вопреки моей просьбе мое 70-летие все-таки отметили, хотя и без пышности, которую было планировали. Я сердечно рад за Нилу, и за Вас. Может быть, встретимся на защите Соймонова?

Всегда Ваш В. Пропп.

Дорогая Ирина Петровна!

25.V.70.

Только что собрался писать это письмо, как раздался звонок, и мне принесли 19 р. 04 коп. На сопроводительном бланке было написано «за оппонентство». Из этого мне все стало ясно. Я вновь переживаю, что не мог приехать. Фу!

Писать же я Вам собирался по поводу того, что Петрозаводск молчит. Вы писали, что нужно заверить подпись, и я выразил согласие, а после этого следовало молчание. Ниле я написал письмо с поздравлением и всякими пожеланиями. Ответ — молчание. Я начал думать — не случилось ли что-нибудь.

Я был бы очень рад получить от Вас хоть коротенькую весточку.

Летом мы опять будем в Репине, но я никуда не стремлюсь. Здоровье так себе — для меня это уже прекрасно.

Я весь в подарках. Пользуюсь случаем, чтобы еще раз поблагодарить Вас самым сердечным образом за неизменную обо мне добрую память.

Я работаю по мере сил, т.е. очень мало.

Всегда Ваш

В.Пропп.

Ленинград. 31 мая 70.

Дорогая Ирина Петровна!

Я очень люблю получать Ваши письма. О предложении Базанова¹ я знал, но хранил молчание. А вдруг Вы бы согласились? Но, слава Богу, все хорошо. Дон Базилио всех распустил: сбежали Путилов, Гусев, Новиков, Шаповалова, была уволена Астахова, переведена Орнатская. Теперь он зовет Вас, чтобы потом и за Вас взяться! Звал когда-то (давно) и меня, но я не пошел (как и Вы), и таким образом положительные отношения как-то сохранились.

Не огорчайтесь, что Вас обругали. Как раз наоборот — по собственному опыту я знаю, что это способствует популярности. Моя слава началась с того, что меня сперва публично (т.е. в печати) обругали, а потом выгнали из Пушкинского дома (выгнал меня Плоткин, а потом выгнали его). С тех пор я стал широко известен. Вы, правда, и без того достаточно известны, но все-таки такие случаи вплетают лишние листки в лавры. Сивоконь фамилия интересная, но неизвестная. А теперь будет известна. Ее будут склонять.

Что это Нилин муж был в Ленинграде и не зашел ко мне? Уж не обиделись ли они на меня? Я Ниле написал после защиты, говорил ей хорошие слова, но ответа тоже нет.

На защите буду рад встретиться с Вами. Это моя последняя защита (Милочка и Соймонов). Больше никогда не буду.

¹ В.Г. Базанов предложил И.П. Лупановой заведование сектором фольклора в Пушкинском доме.

Завтра думаем на дачу. Я бы лучше сидел в городе и писал. Но чувствую, что надо передохнуть.

Всего Вам лучшего! Ваш В. Пропп.

Дорогая Ирина Петровна!

16.VI.

Спасибо Вам за письмо, которое меня очень обрадовало. Но мне сейчас не позволяют писать писем. У меня был инфаркт, лежу пластом и шевелю глазами — это мое единственное занятие. Надеюсь выкарабкаться.

Всего Вам лучшего.

Дорогая Ирина Петровна!

Вчера меня из больницы привезли на дачу. Я все еще болен, но могу сесть за стол и писать коротенькие письма. Не знаю, как и благодарить Вас за всю Вашу ласку и заботу. Дигоксин дошел очень быстро — сколько Вам хлопот! Врачи выписывают немислимые медикаменты, которых нигде нет. Ведь не у всех такие друзья, как Вы! Настроение у меня приподнятое. После ужасной больничной обстановки — покой, кругом леса и поля, поют петухи. Хорошо! Врач лечил меня замечательный и знающий, снабдил меня кучей инструкций, которые я все свято соблюдаю. Кажется, поправляюсь. Принимаю 5 разных медикаментов.

Великое Вам спасибо! Ваш В.Я. 30.VII.70.

24 августа 1970 г. Владимир Яковлевич Пропп скончался.